

Е. В. Максютенко

Днепропетровск

**«СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ФРАНЦИИ И ИТАЛИИ»:
«A MAN OF FEELING» ЛОРЕНСА СТЕРНА**

У статті проаналізовано концепцію характеру героя-оповідача у «Сентиментальній подорожі» Л.Стерна. Образ Йорика, цінності, якими він дорожить, вміння радіти хвилинам щастя, стриманість щодо проявів крайнощів пристрасті перетворюють канон записок про подорож й непомітно надають йому форму особистого щоденника-самопостереження, де переважає заглибленість в описання не зовнішнього плану, а повсякденних дрібниць, із-за чого текст позбавляється об'ємності, громіздкості, але постає витонченим, легким, автор є жартівливим, тон його – легковажним, сповненим натяків та недомовленості. Межі «Сентиментальної подорожі» хиткі, рухливі, розімкнуті, та оповідач містифікує читача підкресленим неладом розповіді, скрадливою інтонацією, де змішано іронічні й меланхолійні фарби. Рокайльні мотиви й теми, які доповнюють концепцію чутливості у «Сентиментальній подорожі», сприяють тому, що дорожні нотатки Йорика сприймаються як «імажинарна подорож», де реальна топографія виявляється приводом щодо розлогої емоційної рефлексії героя, не скутого соціальними умовностями, а зовнішній світ постає як «дзеркало душі», відбивається у безкінечному потоці мінливих думок.

Ключові слова: жанр дорожніх нотаток, європейська традиція Grand Tour, «імажинарна подорож», поетика автобіографізму, авторська маска.

В статтє проаналізована концепція характеру героя-повествователя в «Сентиментальном путешествии» Л.Стерна. Образ Йорика, ценности, которыми он дорожит, умение радоваться мгновениями счастья, сдержанность к проявлению крайностей страсти, патетики слога преобразуют канон записок о путешествии и незаметно придают ему форму личного дневника-самонаблюдения, где преобладает погруженность в описание не внешнего плана, а повседневных мелочей, и из-за этого текст лишается объемности, громоздкости, но становится изящным, легким, автор шутлив, тон его легкомыслен, исполнен намеков и недосказанности. Границы «Сентиментального путешествия» зыбки, подвижны, разомкнуты, и повествователь легковесно мистифицирует читателя подчеркнутым беспорядком рассказа, вкрадливой интонацией, где смешиваются иронические и меланхолические краски. Рокайльные мотивы и темы, которые дополняют концепцию чувствительности в «Сентиментальном путешествии», способствуют тому, что путевые заметки Йорика воспринимаются как «иماجинарное путешествие», где реальная топография становится поводом к пространной эмоциональной рефлексии героя, не скованного социальными условностями, а внешний мир предстает как «зеркало души», отражается в бесконечном потоке переменчивых мнений.

Ключевые слова: жанр путевых заметок, европейская традиция Grand Tour, «иماجинарное путешествие», поэтика автобиографизма, авторская маска.

The conception of the character-narrator in L. Sterne's "A Sentimental Journey" is analyzed. Yorick's image, the values which he appreciates, his ability to enjoy the moments of happiness, the restraint to the manifestation of the extremeness of passion transform the canon of travel writing and unnoticeably give it the form of personal journal and self-observation

where the plunge into the description not of external plan but everyday trifles predominates. As a result the text is devoid of bulkiness, becomes a refined and light one, the author is joking, his tone is frivolous and full of hints. The bounds of "A Sentimental Journey" are unstable, mobile, disconnected and the narrator mystifies the reader with the intentional disorder of the storytelling, an insinuating intonation where the ironical and melancholic colors are mixed. Owing to the Rococo motifs and themes that are added to the conception of sensibility in "A Sentimental Journey" Yorick's travel notes are perceived as an "imaginary journey" where the factual topography becomes the cause for extensive emotional reflection of the hero who is not constraint with the social conventions and the outer world turns to be the "mirror of the soul" and is reflected in the endless stream of changeable opinions.

Keywords: travel writing, the European tradition of Grand Tour, "imaginary journey", the poetics of autobiography, author's mask.

Последняя книга о Тристраме еще не завершена, она появится спустя некоторое время, но уже в 1766 г. в письме к лондонскому знакомому Стерн сделает признание, что размышляет о новом литературном тексте, предполагая, что он будет объемным и, быть может, займет четыре тома [6, с. 199]. Писатель ощущает нехватку времени, торопится, болезнь подгоняет, меняет ритм жизни, но он не прерывает сочинительство, дописывает «Тристрама Шенди», издает проповеди, ведет дневниковые записи, адресованные Элизе Дрейпер (чудом сохранится лишь отрывок из них, он затеряется в бумагах семьи Гиббсов и спустя столетие «вернется» к читателям), и начинает работу над «Сентиментальным путешествием».

Все, кто знаком с творчеством Стерна, заметят, что по эмоциональной тональности «Сентиментальное путешествие», опубликованное в 1768 г., сближается с IX томом «Тристрама Шенди»¹. Современник писателя, редактор журнала "Monthly Review", издатель и литературный критик Ральф Гриффитс убежден, что отчасти ответствен за появление «Сентиментального путешествия» и изменение повествовательной интонации в произведении, герой которого наделен чувствительным сердцем, культивирует жалость, сочувствие к ближнему, а его переживания «переливаются через край». Насколько верно утверждение Гриффитса, судить трудно, так как еще в 1762–1764 гг. Стерн заявлял, что хотел бы посвятить будущую книгу Франции и своему путешествию в Европу.

Почти десятилетие отделяет «Сентиментальное путешествие» от успеха первых книг «Тристрама Шенди». Лондонской публике имя Стерна уже известно, он обрел европейскую славу, и его писательская манера, где сочетаются виртуозная эрудиция, остроумие, игровое отношение к читателю, оказывается узнаваемой [14, р. 79]. Стерн не обманет ожидания аудитории и обмолвится дочери, что вынашивает план нового сочинения, «которое не укладывается ни в какие привычные рамки» [6, с. 203].

Из переписки Стерна с друзьями возможно восстановить хронику появления «Сентиментального путешествия». Поначалу он делится с

---

¹ Мелвин Нью, посвятивший автору немало книг, и Джеффри Дэй, не перестающий писать о нем, находят, что многие темы и мотивы «Сентиментального путешествия» восходят к «Тристраму Шенди», отдельным проповедям Стерна и оказываются сквозными для «Дневника к Элизе» [16].

близкими своими намерениями («я полон мыслей и планов...», «...в следующем году начну свое новое сочинение...») [6, с. 179, 199], особо подчеркивает важную для себя установку на художественную самобытность текста («...утверждают, что это оригинальная вещь, которая покорит самые широкие круги читателей...») [цит. по: 1, с. 265], иногда выказывает досаду из-за обстоятельств, которые откладывают завершение произведения («...истошил “Сентиментальным путешествием” и духовные свои силы, и телесные...») [6, с. 213], сообщит о его тематике («...моим замыслом <...> было научить нас любить мир и наших близких больше, чем мы любим...») [6, с. 213]. И когда уже опубликуют первые тома книги, поделится радостью с друзьями: «моим “Сентиментальным путешествием” <...> все восхищаются в Йорке...» [6, с. 221], – и тут же напомним, что текст не дописан, и он надеется на издание еще двух частей, посвященных Италии.

К концу 1760-х гг. в Англии заметно переменятся нравы, вкусы и предпочтения публики. Автор более не намерен удивлять читателя потешными историями о провинциалах из Шенди-Холла, однако, сохранив мягкий юмор, он представит своей аудитории занимательного персонажа, пастора Йорика, живого, эмоционального, непоследовательного, исполненного возвышенных мыслей, которые едва ли согласуются с его прозаическими поступками. «Сентиментальное путешествие» расширит круг читателей Стерна. Произведение с восторгом встретят современники. Последнюю книгу будут постоянно сравнивать с другими сочинениями художника, более всего с «Тристрамом Шенди», желая в текстах, созданных автором, увидеть не только родство, но и несходство затронутых тем и выбора литературной формы. Напомним, что мнения критиков и писателей изначально не совпадали. Для многих – Р. Гриффитса, Г. Уолпола, Д. Гаррика, Э. Берни, У. Медфорда, мадам де Сталь, В. Вулф – именно «Сентиментальное путешествие» станет произведением, которое откроет для них прежде неизвестного Стерна.

Спустя столетия литературных критиков, так же, как и современников Стерна, притягивает образ Йорика, ироничного, лукавого, «полного доброжелательности и человечности». Многие из них, как и предшественники, не перестают удивляться блеску авторского ума в «Тристраме» и умению передать жизнь сердца в «Путешествии по Франции и Италии»². Но личные читательские суждения теперь уже дополнены профессиональной историко-литературной рецепцией, включающей в себя как неоспоримые концепции, так и полемичные. Утверждают, что тематический объем «Сентиментального путешествия» не уступает по глубине «Тристраму Шенди». Также отмечают философскую направленность произведения, подчеркивают преемственность проблематики романов Стерна, а именно сосредоточенность на образах сознания героев, стремление передать субъективность взгляда на мир, воссоздать процессуальность и

---

² Эти наблюдения принадлежат Г. Уолполу, госпоже Сьюар, Дж. Эйкину, которые благосклонно отнеслись к «Сентиментальному путешествию» Стерна [15].

ассоциативность мышления персонажей. Оценивают литературоведы и появление новых черт в характерах не только автора-рассказчика, но и других действующих лиц, открыто проявляющих благожелательность и симпатию к окружающим, сопереживающих эмоциональному состоянию всех, с кем приходится общаться. Интеллектуальную насыщенность прозы Стерна традиционно объясняют влиянием знаменитых английских мыслителей, таких как Локк, Шефтсбери, Хатчесон, Юм, Смит, и полагают, что Стерн обыгрывает в «Тристраме Шенди» ряд известных положений учения Локка об ассоциативной природе сознания, особенностях психологического переживания времени, первичности чувственного восприятия мира. Именно поэтому исследователи называют «Тристраму» локковским текстом, а его персонажей из-за маниакальной склонности к рефлексии – интровертами. В то же время в «Сентиментальном путешествии» Стерн откликается на этику Юма, подчеркивает важность заботы о благе другого, значение человеколюбия, сострадания ближнему, которым следуют многие из его героев, воспринимаемые уже как экстраверты [10; 17; 20].

Критики подчеркивают, что в книге о Йорике Стерн предложил провокационную интерпретацию представлений о сентиментализме [9; 14; 17]. Персонаж Стерна постоянно упоминает о привлекательности «философии сердца», дорожит врожденной тонкостью чувств, душевным богатством природы, ценит игру воображения, готовность откликнуться на чужую радость либо печаль. Однако такая избыточная чувствительность иногда оборачивается вздорностью характера, легковесной причудой и порою сводится лишь к благим намерениям, которым не суждено реализоваться (эпизод встречи Йорика с монахом Лоренцо, переговоры с мосье Дессеном о покупке дезоближана, сцена раздачи милостыни нищим).

Стерн не преминет обозначить в романе тему любви и власти Эроса над человеком. «Сентиментальное путешествие» воздействует на читателя своей радостной атмосферой праздника жизни. Рассказчик признается, что постоянно испытывает чувство влюбленности, не остается равнодушным к женской красоте, но светские забавы отнюдь не являются для него препятствием к духовному и душевному совершенствованию. А. Кэш назовет книгу Стерна «комедией моральных чувств», где бурлескно-сентиментальная тональность причудливо проступит в жанровом сплаве путешествия и мемуаров [9, р. 36].

Воплощенная в незабываемых персонажах «Сентиментального путешествия» концепция чувствительности явится своего рода озорной полемикой с материалистическими взглядами Ламетри, Дидро, Гольбаха. Развернуть и представить авторский замысел в игровом ключе будет суждено главному герою «Сентиментального путешествия», пастору Йорику, характер которого отличается склонностью к буффонаде, патетике и остроумию, смягченных проявлением искренних эмоций, что помогает увидеть в нем персонажа, родственного его литературному сопернику, Тристраму Шенди. Фигура Йорика из «Сентиментального путешествия»

порождает много споров среди литературоведов. Они утверждают, что для Стерна, сохраняющего установку на мистификацию и игру с читателем, Йорик – это характер, который при несомненной самостоятельности сближается с автором и как бы служит его повествовательной маской. Большинство критиков видят в Йорике «полувымышленного» персонажа, так как в его истории обыгрываются биографические обстоятельства реального автора и подробности литературной родословной, которой наделили Йорика и Шекспир, и Стерн. По мнению М. Баттестина, Стерн «воскрешает» Йорика, с которым попрощался в первом томе «Тристраме Шенди», и отправляет его в поездку по Франции, избирая маршрут, прежде не раз пройденный им самим в надежде поправить здоровье [8, р. 18]. Йорик выступает в роли создателя записок, то склонного поэтизировать повседневный опыт («...какой толстый том приключений может выйти из этого ничтожного клочка жизни...»), то безжалостно иронизирующего над своими слабостями («...я залился горячими слезами, но ... прошу моих читателей не улыбаться, а пожалеть меня»), и имеет потребность описать свое путешествие иначе, чем прежде («... наблюдения мои будут иного типа, чем у всех моих предшественников...») [5, с. 550, 559, 565]. Он с интересом присматривается к нравам и обычаям страны, отныне ставшей центром образованного европейского мира и размышляет о различии характеров народов-соседей: «...если бы нам, англичанам, удалось когда-нибудь <...> приобрести тот лоск, которым отличаются французы, то хотя бы даже мы не утратили при этом *politesse du cœur*, <...> мы непременно потеряли бы присущее нам разнообразие и самобытность...» [5, с. 620]. А. Кэш напоминает, что Стерн сделал героя-повествователя в «Сентиментальном путешествии» англиканским священником, придал его облику собственные черты и вновь обратился к имени Йорик, которым ранее воспользовался при публикации сборников проповедей, а также создании своего «идеализированного автопортрета» в «Тристраме Шенди» [9, р. 31]. Исследователи, заинтересовавшиеся судьбой Йорика из «Сентиментального путешествия», настаивают на том, что Стерн извлек «старое имя для иного героя», высчитывают его возраст, предполагая, что в отличие от своего тезки из «Тристрама Шенди», это – молодой горожанин, которому около сорока лет [12, р. 4, 9].

По замыслу Стерна именно во Франции, полагает М. Баттестин, Йорик должен попытаться разрешить загадку, кем он является на самом деле: человеком, чья чувствительность и соучастие ближнему доказывают, что у него есть душа, достойная спасения, следуя идеям Тиллотсона и Кларка, либо он – сложно устроенная «машина», управляемая лишь своими желаниями и обреченная на исчезновение, как утверждали французские материалисты, с многими из которых писатель был лично знаком [8, р. 18].

Йорик – порывист, экстравагантен, своеволен, его поездка отличается от сложившихся ритуалов образовательного путешествия по Европе, *Grand Tour*, столь популярного в среде аристократов. Не походит она и на прозаический деловой визит. Начало ее стремительно, спонтанно, как и

неожиданно возникшее желание Йорика, вероятно, перенять жизнерадостное искусство жизни, которым так славятся французы, хотя это скорее предположение, так как о цели путешествия герой говорит в свойственной ему эксцентричной манере.

Вопрос собеседника: «А вы бывали во Франции?» (“You have been in France?”), последовавший за категорическим по тону утверждением героя-повествователя «Сентиментального путешествия»: «Во Франции <...> это устроено лучше» (“They order <...> this matter better in France”), – приведет последнего в замешательство и подтолкнет к решению удостовериться в собственной правоте и отправиться во Францию [19, р. 326]. На следующий день, успешно преодолев по морю расстояние, разделяющее Англию и Францию, он сойдет на берег в Кале и в три часа дня славно отобедает в гостинице. Йорик будет огорчен и раздосадован из-за странного закона, освященного именем короля, который позволяет отобрать и присвоить багаж путешественника в случае непредвиденных трагических обстоятельств, подстерегающих его в дороге. Правда, хороший обед и отменное бургундское примирят его с произволом Бурбонов («Нет <...> Бурбоны совсем не жестоки <...> в их крови есть нечто кроткое...») и настроят на философский лад, приведут к благостному настроению и пониманию необходимости свершения человеколюбивых поступков («...я чувствовал, что в теле моем расширяется каждый сосуд – все артерии бьются в радостном согласии <...> если я только что примирился с внешним миром, то теперь пришел к согласию с самим собой...») [5, с. 544]. Но реальность в лице смиренного монаха-францисканца, попросившего милостыню, отрезвит Йорика, и он получит возможность удостовериться в пределах собственного великодушия («...никому из нас не хочется обращать свои добродетели в игрушку случая – щедры ли мы, как другие бывают могущественны <...> или как бы там ни было, – ведь нет точно установленных правил приливов или отливов в нашем расположении духа...») [5, с. 545].

Забавное, непредсказуемое развитие событий в начальном отрывке «Сентиментального путешествия», – утверждает В. Вулф, – заставляет читателя полагать, что он попал в привычный абсурдный мир героев «Тристрама Шенди», «...где может случиться все, что угодно» [3, с. 105]. Однако вскоре сам рассказчик отрекомендует себя как человека иного склада, не сетующего, как Тристрам, на несовершенство мира, но жизнерадостного, любвеобильного, чувствительного («...я почти всю свою жизнь был влюблен то в одну, то в другую принцессу, и, надеюсь, так будет продолжаться до самой моей смерти...»), настроенного в течение нескольких весенних месяцев оставаться во Франции, хотя, как известно, путь его долог и лежит в Италию [5, с. 571].

Стерн исполнит обещание, данное дочери, создать оригинальное, свежее произведение. И во многом это определено неповторимостью решения характера главного героя. Йорик, как и Тристрам, воплощает разные грани натуры автора, сближаясь со Стерном, который, по замечанию А. Кемпбелла Росса, воспринимался европейскими читателями как

своеобразный «литературный герой своей книги, точнее, неразделимая пара героев – меланхоличный остроумец Тристрам и добросердечный, жизнерадостный Йорик» [18, р. 6]. Он выгодно отличается от погруженного в печальные размышления Тристрама («...я появился на свет на нашей шелудивой и злосчастной земле...») [5, с. 30–31] и повстречавшегося ему по пути из Парижа в Рим Смелфунгуса, который «отправился в дорогу, страдая сплином...» [5, с. 566]. Избирая роль путешественника, он предстанет не похожим на других искателей приключений. Йорик хранит в тайне подробности своей житейской истории, не желает быть узанным, тяготится пребыванием в свете, не намерен знакомить читателей с фактами публичной биографии, утаивает имена друзей, спутников (граф де Б***, мадам Р***, герцог де Ш***, мистер Ю.) и создает путевые записки в жанре *roman à clef*. Йорик сохраняет дистанцию по отношению к большому миру, он хотя и желанный гость в салонах Парижа, остается участливым наблюдателем, но предпочитает общение накоротке. Продолжающаяся Семилетняя война между Англией и Францией прямо не затрагивает его, это скорее живописные исторические декорации. Йорик-путешественник непостоянен в своих намерениях, безразличен к достопримечательностям и памятникам архитектуры Парижа, его не занимают традиционные маршруты, которым следуют соотечественники. Он проявляет интерес к окружающим, подмечает обычаи, и его увлечением становится внимание к другому, одержимость сочинительством. Йорик «подсматривает» происшествия и придумывает истории о тех случайных знакомцах, которые попадают на его пути.

По уверениям Р. Гриффита, Стерн называл текст «Сентиментального путешествия» «книгой-искуплением»³ (“he <...> calls it his *Work of Redemption*”) [15, р. 185]. Брошенные мимоходом слова Стерна не остались незамеченными. М. Баттестин уверен, что они таят в себе нечто более глубокое, чем желание автора исправить репутацию легкомысленного шутника, утвердившуюся в среде читателей Лондона после выхода «Тристрама»⁴. Следуя М. Баттестину, едва ли замысел «Сентиментального путешествия» соотнесен с идеей христианского благочестия. Стерн в «Путешествии», действительно, смягчает тревожные индивидуалистические подтексты новой философии, которые определили замкнутость мира Шендихолла и его обитателей, сосредоточенных на собственных причудах и не настроенных действовать. В «Сентиментальном путешествии» Стерн предлагает прежде всего ценить чувства человека, его врожденную способность к воображению, свойства, превосходящие земные материалистические доктрины и утверждающие необходимость взаимной

³ В понимании Р. Гриффита, она лишена грубости тона, присущего «Тристраму Шенди», но, наоборот, является «чистой и целомудренной» [15, р. 185].

⁴ С. Джонсон неодобрительно относился к текстам Стерна и был излишне категоричен в оценке автора, осуждал его и позволил уничижительно отозваться о нем как о «многими осуждаемом священнике» (“a contemptible priest”). См.: [7].

привязанности и общения⁵ [7, p. 204].

В характере Йорика удивительно уживаются различные черты. Он чувствителен («...я способен с первого же взгляда почувствовать расположение к самым разным людям...») [5, с. 568], отзывчив, склонен к мечтаниям и грезам. Любит философствовать («...если я являюсь чуточку философом, как это время от времени внушает мне лукавый...») [5, с. 570], может иронично взглянуть на собственные недостатки. Интерес к человеку – основа его мироощущения. Не чужд он и земных радостей («...как я уже говорил читателям, одной из благодатных особенностей моей жизни является то, что почти каждую минуту я в кого-нибудь несчастливо влюблен...») [5, с. 579]. Йорик – увлекающаяся натура, ощущение полноты жизни посещает его тогда, когда рядом с ним оказывается очаровательная собеседница либо спутница, общение с которой, несомненно, преобразует его существование («...я не в состоянии осушить источник ее слез, какое <...> утонченное удовольствие доставит мне вытирать их на щеках <...> красивейшей из женщин, когда я молча буду сидеть возле нее всю ночь...») [5, с. 579].

Напомним, что пребывание Йорика во Франции длится около месяца, приходится на весеннюю пору года, его путь пролегает по многим городам (Кале, Монтрей, Париж, Амьен, Мулен, Лион), ведет в Италию и обрывается на постоялом дворе в Савойе. Герой не завершит своих записок, но читатель оценит их неповторимость и новизну. Они представляют собою не столько панораму внешних впечатлений (Йорик лишь бегло упоминает о Пале-Рояле, Лувре, Комической опере, своей поездке в Версаль), обозрение нравов (прием в доме маркиза де Б***, знакомство с кругом мадам де В***), примечательных мест и описание архитектурных памятников, сколько окажутся психологическим портретом автора, который одарит всех, кто проявит интерес к его заметкам, глубиной восприятия реальности, людей, неповторимостью их видения, способностью передать с помощью подвижных, текучих описаний вибрацию жизни («...был прекрасный тихий вечер в самом конце мая – малиновые занавески на окне <...> были плотно задернуты – солнце садилось и бросало <...> отблеск теплого тона на лицо хорошенькой *fille de chambre* – мне показалось, будто она краснеет <...> мы были совершенно одни, и это навело на мои щеки повторный румянец прежде, чем с них успел сойти первый...») [5, с. 622].

Образ Йорика-героя, ценности, которыми он дорожит, умение радоваться мгновениями счастья, сдержанность к проявлению крайностей страсти, патетики слога преобразуют канон записок о путешествии и незаметно придают ему форму личного дневника-самонаблюдения, где преобладает погруженность в описание не внешнего плана, а повседневных мелочей, и из-за этого текст лишается объемности, громоздкости, но становится изящным, легким, автор шутив, тон его легкомыслен, исполнен намеков и недосказанности. Вероятно, поэтому границы «Сентиментального

---

⁵ По наблюдению М. Баттестина, эта тема была намечена Стерном еще в VII томе «Тристрама Шенди», где путешествующий по южным равнинам Лангедока герой-повествователь переживает минуты радости в веселой атмосфере праздника селян и наслаждается танцем с юной Нанеттой [7, p. 197].

путешествия» зыбки, подвижны, разомкнуты, и повествователь легковесно мистифицирует читателя подчеркнутым беспорядком рассказа, вкрадчивой интонацией, где смешиваются иронические и меланхолические краски [4]. Рокайльные мотивы и темы, которые дополняют концепцию чувствительности в «Сентиментальном путешествии», способствуют тому, что путевые заметки Йорика воспринимаются как «имагинарное путешествие» [2], где реальная топография становится поводом к пространной эмоциональной рефлексии героя, не скованного социальными условностями, а внешний мир предстает как «зеркало души», отражается в бесконечном потоке переменчивых мнений.

Библиографические ссылки

1. Атарова К. Лоренс Стерн. Жизнь и творчество / К. Атарова. – М. : Б.С.Г.-Пресс, 2014. – 416 с.
2. Банах И. Структура повествования в сентиментальном путешествии («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» и «Сентиментальное путешествие» Л. Стерна) / И. Банах // *Философский век. Альманах*. Вып. 19. Россия и Британия в эпоху Просвещения : Опыт философской и культурной компаративистики. Ч. 1. / [отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин]. – С.Пб. : Санкт-петербургский Центр истории идей, 2002. – С. 168–184.
3. Вулф В. Сентиментальное путешествие / В. Вулф ; пер. с англ. К. Атаровой // Атарова К. Англия, моя Англия. Эссе и переводы / К. Атарова. – М.: Радуга, 2006. – С. 104–111.
4. Пахсарьян Н. Сентиментализм / Н. Пахсарьян // *Культурология. Энциклопедия*: В 2 т. / [гл. ред. С. Левит]. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т.2. – С. 452–454.
5. Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена : [роман]. Сентиментальное путешествие : [роман] / Л. Стерн ; пер. с англ. А. Франковского. – М. : Художественная литература, 1968. – 686 с.
6. Стерн Л. Сентиментальное путешествие : [роман]. Воспоминания. Письма. Дневник для Элизы / Лоренс Стерн; пер. с англ. А. Франковского. – С.Пб.; М. : Российская государственная библиотека, Летний сад, Наталис, 2000. – 319 с.
7. Battestin M. *A Sentimental Journey: Sterne's "Work of Redemption"* / M. Battestin // XVII–XVIII. Buletin de la société d'études anglo-américaines des XVIIe et XVIIIe siècles. – 1994. – №. 38. – P. 189– 04.
8. Battestin M. Sterne among the Philosophes: Body and Soul in “A Sentimental Journey” / M. Battestin // *Eighteenth-Century Fiction*. – 1994. – Vol. 7. – Issue 1. – P. 17–36.
9. Cash A. *Sterne's Comedy of Moral Sentiments. The Ethical Dimension of the Journey* / A. Cash. – Pittsburgh: Duquesne University Press, 1966. – 152 p.
10. Dussinger J. *A Sentimental Journey : “A Sort of Knowingness”* / J. Dussinger // *The Discourse of the Mind in 18th Century Fiction* / J. Dussinger. – Hague : Mouton, 1974. – P. 173–200.
11. Gerard W. “Sallies of the Imagination”. *Visual Imagery and the Works of L. Sterne*. PhD Dissertation. – University of Florida, 2002. – 316 p.
12. Ishii Sh. Yorick's Identity in “A Sentimental Journey” / Sh. Ishii // *Kinki University Department of Language Education bulletin*. – 2007. – № 7(2). – P. 1–15.
13. Jack I. Introduction to “A Sentimental Journey” / Ian Jack // *Sterne L. A Sentimental Journey : [A Novel]. The Journal to Eliza. A Political Romance / Laurence Sterne*. – Oxford, N. Y. : Oxford UP, 1984. – P. ix–xx.

14. Keymer Th. *A Sentimental Journey* and the failure of feeling / Th. Keymer // *The Cambridge Companion to Laurence Sterne* / [ed. by Th. Keymer]. – Cambridge: Cambridge UP, 2009. – P. 79–94.
15. Laurence Sterne : *The Critical Heritage* / [ed. by A. B. Howes]. – L. : Routledge, 1995. – 475 p.
16. New M. Introduction / M. New, W. Day // *Sterne L. A Sentimental Journey; and, Continuation of the Bramine's Journal: with Related Texts* / [ed. by M. New, W. Day]. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2006. – P. vii–xviii.
17. Probyn Cl. *A Form for Self-Realization : Laurence Sterne* / Clive Probyn // *English Fiction of the Eighteenth Century. 1700–1789* / Clive Probyn. – L. ; N.Y. : Longman, 1987. – P. 133–148.
18. Ross I. C. *Laurence Sterne : A Life* / Ian Campbell Ross. – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 498 p.
19. Sterne L. *A Sentimental Journey through France and Italy : [A Novel]* / Laurence Sterne // *Sterne L. Selected Prose and Letters : in 2 Volumes.* – M. : Progress Publishers, 1981. – Vol. 1. – P. 323–490.
20. Viviès J. *A Sentimental Journey, or Reading Rewarded* / J. Viviès // *XVII–XVIII. Buletin de la société d'études anglo-américaines des XVIIe et XVIIIe siècles.* – 1994. – №. 38. – P. 243–253.

Надійшла до редколегії 7 жовтня 2014 р.